

А. П. Чехов и А. М. Горький

— Как много пишут о дружбе Чехова и Горького, а ведь тут нет ничего удивительного. Сблизились два современника, два больших русских писателя — странно было бы, если бы они не подружались. — так рассуждал мой собеседник, старый учитель. — А вот вы, литературоведы, пытаетесь видеть в этой дружбе что-то особенное, пишете статьи, книги...

— Но, позвольте, — возражал я, — ведь не обязательно два писателя — современника должны дружить: Лев Толстой и Достоевский — современники и очень близкие во многом писатели, но, как известно, ни разу даже не встретились друг с другом. А Чехов и Горький, хотя и современники, но они очень отличаются друг от друга как писатели — художественная манера их совершенно различна. И, главное, они — писатели по существу иных поколений. Чехов, который родился за год до отмены крепостного права и умер за год до революции 1905 года, отразил в своем творчестве настроение широких демократических кругов русского общества накануне буржуазно-демократической революции. Он явился, как и Л. Толстой, своеобразным зеркалом русской буржуазно-демократической революции. А Горький, писатель революционного пролетариата, как художник, явился зеркалом социалистической революции. И все-таки их соединяла какая-то именно особенная, удивительная дружба.

Ни в одном русскому писателю А. М. Горький не испытывал такой

☆
Л. ФАРБЕР,
доцент пединститута

☆

взволнованной нежности, горячей симпатии, прямо влюбленности, как в А. П. Чехову. «Я вообще не знаю, как сказать Вам о моем преклонении перед Вами». «Я вас, батюшка, люблю, люблю очень, горячо, любил, когда еще не знал, узнав — люблю еще больше». — таких слов А. М. Горький не писал никому, кроме Чехова. Да и Чехов относился к Горькому необыкновенно. Ведь стоит только подумать: милый и скромный Антон Павлович, никогда не занимавшийся «политикой», в 1902 г. совершил смелый политический акт: в ответ на отказ Николая II утвердить избрание А. М. Горького в члены Академии наук Чехов с презрением бросил руководителям царской Академии свой диплом почетного академика. Сделал это и Короленко, но для революционера, бывшего ссыльного, поднадзорного Короленко это не удивительно. А вот Чехов!.. Л. Н. Толстой отказался от этого акта, заявив, что он и не считает себя академиком. Но и Чехов не считал себя академиком, но, понимая политическую серьезность самого акта отказа числиться академиком, смело пошел на это. Нет, Чехова и Горького связывало друг с другом что-то большое, это именно необыкновенная дружба.

А. М. Горький вправе был сказать: «Я хорошо помню начало литературной деятельности А. П. Че-

хова». Горький внимательно следил за развитием таланта Чехова, он не только знал его творчество так, как не знал ни один из профессиональных критиков того времени, но он и понимал направление творчества Чехова. Это и позволило А. М. Горькому — в отличие от современной народнической, либерально-буржуазной и иной критики — впервые дать верную оценку творчеству великого русского реалиста.

Не уныние, не пессимизм, не изображение серых будней, не равнодушие к человеку, как определяла критика смысл искусства Чехова, а живой призыв к бодрости, к полнокровной нормальной человеческой жизни увидел Горький у Чехова. Слово «бодрость» обязательно присутствует во всех горьковских оценках Чехова. В самом начале своей статьи «По поводу нового рассказа Чехова «В овраге» (опубликована в «Нижегородском листке» 30 января 1900 г.) Горький утверждает, что Чехов «сострадательно и бодро улыбается читателю». В этой статье (которая, кстати, очень понравилась самому Чехову) Горький убедительно доказывает, что «каждый новый рассказ Чехова все усиливает одну глубоко ценную и нужную для нас ноту — ноту бодрости и любви к жизни». А свой знаменитый очерк о Чехове А. М. Горький заканчивает так: «Хорошо вспомнить о таком человеке, тотчас в жизнь твою возвращается бодрость, снова входит в нее ясный смысл».

И самому А. П. Чехову Горький писал в 1900 г., что он улавливает в его творчестве главное, основ-

ное — это «здоровый запах» «настоящего», действительно «ценного и нужного». «Есть у него что-то новое, что-то бодрое и обнадеживающее пробивается сквозь кромешный ужас жизни». — говорил Горький о Чехове Владимиру Поссе в 1900 году. Именно потому, что Чехов — это нужное, новое, бодрое, А. М. Горький и борется за продвижение Чехова к народному читателю. Живя летом 1900 г. в Мануйловке, А. М. Горький сам читает крестьянам повесть Чехова «В овраге». «Если бы вы видели, как это хорошо вышло! — пишет Горький Чехову. — Заплакали хохлы, и я заплакал с ними». Тогда же Горький сообщает Средину, что будет писать о Чехове, раздавит «всех его хулителей разом», и что читал «В овраге» мужикам: «Это было — великолепно!»

А. М. Горький хочет уговорить Чехова расторгнуть кабальный договор с издателем А. Ф. Марксом. Этот буржуазный издатель, эксплуатируя Чехова, выжимая из его великого народного таланта лишь себе прибыль, тормозит продвижение Чехова в народные массы. Горький убеждает Чехова порвать с издательством Маркса и заключить договор с издательством «Знание»: «Вы могли бы удешевить книги, издавая их в большем против Маркса количестве. Вас теперь читают в деревнях, читает городская беднота и 1.75 за книгу для этого читателя дорого».

Вот где корни необыкновенной любви Горького к Чехову: пролетарский писатель видел в Чехове не только величайшего стилиста (вспомним, что Горький всегда, до последних своих дней, советовал начинающим писателям учиться мас-

терству у Чехова), но писателя-соратника, борца за утверждающий реализм, за искусство бодрое, оптимистическое, писателя-демократа, страстного защитника интересов человека и народа.

Характерно, что и русский революционный рабочий видел в Горьком и Чехове писателей — друзей и соратников. Об этом, в частности, говорит такой факт. Петр Заломов и его товарищи, осужденные за организацию знаменитой первомайской демонстрации 1902 г. в Сормове, прислали в начале 1903 г. из ссылки письмо в Нижний: они сообщали, что по установившейся в революционных кругах традиции они избирают себе для переписки с волей конспиративные имена. Записка с перечнем этих имен была захвачена жандармами. Недавно мы обнаружили эту записку в нашем архиве, в фондах жандармского управления. Оказывается, сормовские революционеры избрали себе в качестве конспиративных имен имена героев двух пьес — «Три сестры» А. П. Чехова и «Мещане» А. М. Горького: П. А. Заломов — «Вершинин», М. П. Самылин — «Тузеньбах», А. П. Ляпин — «Чебутыкин», А. И. Быков — «Перчихин», П. Д. Дружкин — «Нил», Н. В. Фролов — «Петр» (Горьковск. обл. архив, ф. 5, оп. 2, ед. хр. 37, л. 75). Выбор имен, конечно не случаен. Это не просто первые попавшиеся имена героев пьес, которые появились на сцене незадолго до ареста сормовских социал-демократов. Нет, это имена героев пьес любимых авторов, писателей, в которых ссыльные революционеры видели своих, близких, писателей-сподвижников.

А. М. Горький увидел, понял и объяснил истинную суть искусства

Чехова, но это было не взаимно. А. П. Чехов не смог разобраться в революционно-новаторском характере искусства А. М. Горького. Чехов очень любил Горького-художника и общественного деятеля, все более ценил его страстный темперамент борца, но все же не разобрался в смысле основных программных для пролетарского писателя произведениях. Чехов не понял смысла романтических аллегорий раннего Горького, увидел в них «риторичность»; не понял смысла противопоставления в «Мещанах» маляка Нила молодым мещанам — Петру и Татьяне. Естественно, что, не поняв Нила, Чехов не понял и новаторства всей пьесы: «Нового в этой пьесе нет ничего, но это хорошая пьеса». — писал он Миролюбову: не понял Чехов и поэму «Человек».

Чехову казалось, что Горький все ищет и ищет и никак не найдет себя, хотя дорога Горького — революционного пролетарского писателя — уже ясно обозначилась. Настоячиво, на протяжении нескольких лет А. П. Чехов повторяет и Горькому и многим другим, что лучшее произведение Горького — рассказ «В степи» — вещь, которую никак нельзя назвать программной для Горького. И все же А. П. Чехов, не понимая революционного новаторства Горького, чувствовал, что в его лице выступает молодая Россия, Россия будущего. «Горький моложе нас с тобой, у него своя жизнь», — писал Чехов В. И. Немировичу-Данченко в конце 1903 г. А самому Горькому Чехов с мудрой иронией признавался: «Я был самым молодым беллетристом, но явились Вы — и я сразу посolidнел, и уже никто не называет меня самым молодым».

Последние годы жизни Чехова

совпали с нарастанием революционного подъема кануна 1905 г. Именно в эти годы Чехов и сблизается с Горьким, развивается как писатель в сторону сближения с революцией. Друг Чехова, писатель, врач-общественник С. Я. Елпатьевский вспоминает: «Поднимавшаяся бурная русская волна подняла и понесла с собой и Чехова. Он, отвергивавшийся от политики, весь ушел в политику, по-другому и не то стал читать в газетах, как и что читал раньше...»

— Разве вы не видите, что все сдвинулось сверху донизу! — говорил он. — И обществу, и рабоче!».

В последнем рассказе Чехова «Невеста» героиня рвет со своей средой, «выламывается» из своего класса, как «выламываются» многие герои Горького. Первый вариант этого рассказа Чехов читал друзьям. Присутствовавший на чтении В. В. Вересаев вспоминает: «Антон Павлович спросил:

— Ну, что, как вам рассказ? Я помялся, но решил высказаться откровенно.

— Антон Павлович, не так девушки уходят в революцию... Глаза его взглянули с суровой настроенностью.

— Туда разные бывают пути». Знаменательно, что чтение рассказа и этот разговор происходили на квартире у Горького. Необыкновенная дружба А. П. Чехова и А. М. Горького оказалась для Чехова одним из тех важных явлений революционной действительности, которая и привела писателя к сближению с революционной Россией. Смерть помешала приходу Чехова к революции, в России Горького, но Чехов шел к ней и в этом — немалая заслуга Горького.